

На правах рукописи

МЕЖУЕВ Степан Борисович

**СОВЕТСКАЯ ТЕОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ОБЩЕСТВЕ ИММАТЕРИАЛЬНОГО ТРУДА**

Специальность 5.7.8. Философская антропология,
философия культуры (философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2025

Работа выполнена в Центре практической философии
«Стасис» Автономной некоммерческой образовательной организации
высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге»
(АНООВО «ЕУСПБ»)

*Научный
руководитель:* **Микиртумов Иван Борисович**, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии «Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств» Санкт-Петербургского филиала Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”»

*Официальные
оппоненты:* **Майданский Андрей Дмитриевич**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Третьяк Артур Романович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

*Ведущая
организация:* Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Защита состоится 5 июня 2025 г. в 14 часов 00 минут на заседании Диссертационного совета 24.1.143.01 Института философии РАН по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Зал заседаний Ученого совета (комн. 313).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института философии РАН:
<https://iphras.ru/page20729899.htm>

Автореферат разослан _____ 2025 года

Ученый секретарь
Диссертационного совета, 24.1.143.01
кандидат философских наук

Б.О. Николаичев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется особенностями постиндустриального общества, представляющего новый этап экономических и социальных отношений, в которых личностные качества человека становятся основными объектами рыночной оценки. Переход к постиндустриализму вызвал кризис классических марксистских теорий. Текущую эпоху часто характеризуют как затянувшийся переходный период, что находит отражение в широком использовании приставки «пост-» в современных научных и общественных дискурсах. Понятия постопераизма, постиндустриального общества, постэквивалентной эры, постсоветской философии, постфордизма, постмодерна и постмарксизма подчеркивают разрыв с предшествующими этапами. Однако этот акцент на разрыве свидетельствует о том, что наследие прошлого остается не до конца преодоленным и продолжает влиять на современность, проявляясь через гегелевское «отрицание отрицания»: отвергнутое прошлое сохраняет свое присутствие, требуя дальнейшего прояснения. Советская философия — одно из таких важных наследий прошлого, которое еще предстоит осмыслить. В связи с этой задачей данное исследование посвящено актуализации позднесоветской философии в контексте постиндустриального общества.

В исследовании позднесоветская мысль рассматривается не только как объект историко-философского анализа, но и как участник диалога с актуальными сегодня левыми авторами о постиндустриальном обществе. В рамках диссертации конструируется заочный диалог между советскими философами культуры (Э. Маркарян, В. Межуев, В. Библер и др.) и представителями итальянского движения постопераизма (А. Негри, В. Берарди, П. Вирно и др.) — современного теоретического направления, посвященного изучению и критике современного постфордистского общества. Оба направления по-своему обращаются к «деятельностному подходу» — методологическому концепту, получившему

широкое распространение в советской философии и психологии. «Теория деятельности» — одно из ключевых методологических достижений СССР, сохраняющее актуальность и привлекающее внимание исследователей всего мира. Так, Д. Бэксхёрст, английский исследователь, утверждал, что советская теория деятельности в большей степени изучена на Западе, чем на ее родине¹. Основной принцип теории деятельности и деятельностного подхода как методологической рамки философии и психологии заключается в том, что деятельность наделяется трансцендентальным и трансцендентным значением. Деятельность рассматривается наравне с понятиями пространства и времени как предпосылка мышления — человек приобретает сознание и возможность ориентироваться в мире, овладевая деятельностью. А трансцендентное значение деятельность приобретает, поскольку воспринимается как источник всех культурных идеалов, что наделяет труд определенным сакральным измерением. Учитывая ключевую роль труда в деятельностной методологии, смена производственных эпох неизбежно должна была вызвать — и в итоге вызвала — глубокое переосмысление всей теории. В позднесоветском марксизме на место предметной деятельности встал труд культурный или всеобщий, развилось теоретическое направление философии культуры (его представители: Э. С. Маркарян, А. И. Арнольдов, М. К. Петров, В. В. Давыдов, Н. С. Злобин, М. С. Каган, В. М. Межуев, Э. В. Соколов и др.), в рамках которого авторы по-своему интерпретировали и дополняли основные положения теории деятельности, чтобы адаптировать ее к обществу культурного труда. Философ Е. В. Мареева назвала период 70–80-х гг. в советской философии «культурологическим бумом»².

Теория деятельности — это чрезвычайно широкое понятие в советском интеллектуальном наследии, охватывающее работы многих

¹ Бэксхёрст Д. К вопросу об эволюции теории деятельности // Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2, № 4. С. 79–84.

² Мареева Е. В. О подходах к анализу культуры в советской философии 60–80 годов XX века // Вестник МГУКИ. 2013. № 3 (53). С. 52.

выдающихся и авторитетных авторов, таких как Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, П. Я. Гальперин, А. Р. Лурия, Д. Б. Эльконин, А. В. Запорожец, Л. И. Божович, П. И. Зинченко, В. В. Давыдов, Г. П. Щедровицкий, В. В. Рубцов, Н. Ф. Талызина, Г. С. Костюк и многие другие. В рамках данной диссертации цель состоит не в том, чтобы охватить все виды и направления теории деятельности, а в том, чтобы определить методы ее применения к культуре. Именно в попытке приложить принцип теории деятельности к описанию развития культуры формируется специфическое для позднесоветской философии направление философии культуры, которое следует общеевропейской тенденции перехода от ортодоксального марксизма к тому, что сегодня принято называть постмарксизмом. Таким образом, в основу диссертационного исследования положена именно рецепция «теории деятельности», ее синтез с другими теоретическими направлениями в позднесоветских философиях культуры конца XX в. (Э. С. Маркарян, В. С. Библер, В. М. Межуев и др.). Советские философы культуры, опираясь на «теорию деятельности», стремились анализировать наступающую информационную эру, характеризующуюся как общество культуры.

В диссертации я очерчиваю основные методологические принципы теории деятельности, опираясь на работы таких авторов, как Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и Э. В. Ильенков. Однако в качестве контрапункта выступает линия бахтиноведения. М. М. Бахтин совсем не участвовал в разработке теории деятельности и даже критиковал ее за редукционистский подход к человеку, но его концепция диалога приобретает особое значение при обсуждении «культурного труда», обращенного к Другому. В контексте «имматериального труда» фигура Бахтина как теоретика диалога и полилога приобретает новую, актуальную для современного мира форму. Его теории применяют как философы культуры, так и итальянские постопераисты. Некоторые философы культуры, включая В. С. Библиера, даже стремились объединить идеи Л. С. Выготского и М. М. Бахтина. Синтезируя понятия деятельности

и диалога, теория эволюционирует и не теряет актуальности в XXI в. Сочетание, казалось бы, противоположных направлений объясняет, как теория, изначально описывающая материальную деятельность, может помочь в анализе культуры.

Название диссертации включает, помимо **«теории деятельности»**, также термин **«имматериальный труд»**. Его сформулировали современные итальянские теоретики анархического постмарксистского движения постопераизм (или автономизм), такие как Ф. Берарди, А. Негри, П. Вирно, М. Лаззарато. Термин описывает новый вид производства (постиндустриальный), который стал доминировать в развитых странах во второй половине XX в. Постопераисты подчеркивали иллюзорный и символический характер нового производства, дискредитирующего политэкономия ортодоксального марксизма. В рамках диссертации я доказываю продуктивность конвергенции постопераизма и советских философий культуры и в целом показываю связь между развитием марксизма в СССР и в Италии. Постопераизм и позднесоветские философии культуры анализируют новую реальность, где роль главного производителя занимают люди культуры (ученый/художник) или постфордистские работники. Разительное различие контекстов предоставляет необходимый объем для расширения эпистемологической рамки, позволяя комплексно рассмотреть проблему освобождения постфордистского труда.

Степень разработанности темы. Тема постиндустриального общества давно привлекала внимание авторов, придерживающихся разных политических взглядов. Такие исследователи, как Д. Белл, Г. Кан, К. Томинаги и Р. Дарендорф, в своих работах акцентировали внимание на значении научных достижений и технологических преобразований, присущих этому историческому этапу. В то же время некоторые авторы, среди которых А. Горц, Т. Умесао, и Р. Кац, выделяли знание как одну из центральных характеристик постиндустриального общества. М. Кастельс обратился к инвестициям капитала в знания как фактору постиндустриализма; теоретик У. Бэк рассматривал постиндустриализм как «общество риска»,

а Э. Гидденс — как «рефлексивный модерн». Не стоит забывать и о российских ученых, которые анализировали феномен постиндустриального общества, переосмысляя зарубежный опыт и соотнося его с марксизмом. К таким исследователям относятся В. В. Орлов, Л. М. Луценко и Н. П. Котляр, а также Е. В. Дуков, В. Л. Иноземцев, А. Н. Ильина, В. Л. Глазычев, А. В. Захарова, В. Б. Бутаев, Б. А. Грушин. Другой подход к изучению постиндустриального общества сосредоточен на феномене постмодернизма, разработанного Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Делёзом, Ф. Джеймисоном, Г. Дебор, С. Жижеком, Р. Бартом, и Ж. Бодрийяром, а также, конечно, Т. Адорно, Э. Фроммом, Ю. Хабермасом и другими неомарксистами, связанными с Франкфуртской школой.

С начала 2010-х гг. наблюдается возрождение интереса к фигурам Л. С. Выготского, М. М. Бахтина и Э. В. Ильенкова. В последние годы опубликовано несколько значительных работ, посвященных Бахтину, включая исследование М. Фрейзе³, а также работы С. Грачева и Х. Мэнсинга⁴. В США начал выходить академический периодический журнал “Dialogic Pedagogy: An International Online Journal”, в котором подчеркивается вклад Бахтина в формулирование нового, менее репрессивного подхода к педагогике — диалогического. Особой популярностью Бахтин пользуется в Италии. Наиболее важными итальянскими исследователями Бахтина являются П. Яккиа⁵, С. Петрилли⁶ и А. Понцо⁷. Наследие Выготского также

³ *Freise M.* Inspired by Bakhtin: Dialogic Methods in the Humanities. Boston, USA: Academic Studies Press, 2018. 210 p.

⁴ *Gratchev S. N., Mancing H.* Mikhail Bakhtin's Heritage in Literature, Arts, and Psychology / Ed. by S. N. Gratchev, et al. Lexington Books, 2018. 384 p.

⁵ *Jachia P.* Bachtin e il marxismo // Problemi. 1990. Vol. 87. P. 47–60.

⁶ *Petrilli S.* Altrove e altrimenti. Filosofia del linguaggio, critica letteraria e teoria della traduzione in, intorno e a partire da Bachtin. Milano: Mimesis, 2012. 366 p.; Petrilli S. The Self as a Sign, the World, and the Other: Living Semiotics / With foreword by A. Ponzio. New Brunswick & London: Transaction, 2013. 347 p.

⁷ *Ponzio A.* Signs, Dialogue, and Ideology / Trans., ed. and contrib. by S. Petrilli. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing House, 2013. 185 p.;

активно исследуется в англоязычной психологии, чему посвятили свои работы Н. Булле⁸, М. Гредлер⁹, К. Шилдс¹⁰, А. Холмогорова¹¹, М. Дафермос¹², А. Туумила¹³, Р. Мимон¹⁴, Р. Миллер¹⁵, Р. Веер¹⁶, А. Ясницкий¹⁷ и др.

Несколько раз предпринимались попытки соотнести теории Бахтина и Выготского и найти между ними концептуальные параллели. В советский период культуролог В. С. Библер посвятил этой теме несколько объемных работ, интерпретируя идеи Выготского через

-
- Michail Bachtin e il suo Circolo. Opere 1919–1929. Testo russo a fronte / A cura di A. Ponzio. Milano: Bompiani, 2014. 2180 p.
- ⁸ *Bulle N.* Vygotsky's Legacy Questioned: A Review of his "Analysts" and a Challenge to his "Emulators" // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2023. No. 57 (3). P. 888–912.
- ⁹ *Gredler M. E.* Understanding Vygotsky for the Classroom: Is it Too Late? // *Educational Psychology Review*. 2012. Vol. 24, No. 1. P. 113–131.
- ¹⁰ *Gredler M. E., Shields C.* Does no one read Vygotsky's words? Commentary on Glassman // *Educational Researcher*. 2004. Vol. 33, No. 4. P. 21–25.
- ¹¹ *Kholmogorova A. B.* Significance of Cultural-Historical Theory of Psychological Development of L. S. Vygotsky for the Development of Modern Models of Social Cognition and Psychotherapy // *Cultural-Historical Psychology*. 2016. Vol. 12, No. 3. P. 58–92.
- ¹² *Dafermos M.* Critical reflection on the reception of Vygotsky's theory in the international academic communities // *Cultural-Historical Psychology*. 2016. Vol. 12, No. 3. P. 27–46.
- ¹³ *Karimi-Aghdam S.* Rethinking Vygotskian Cultural-Historical Theory in Light of Pepperian Root Metaphor Theory: Dynamic Interplay of Organicism and Contextualism // *Human Development*. 2016. Vol. 59, No. 5. P. 251–282.
- ¹⁴ *Pathan H., Memon R., Memon Sh. et al.* A Critical Review of Vygotsky's Socio-Cultural Theory in Second Language Acquisition // *International Journal of English Linguistics*. 2018. Vol. 8, No. 4. P. 232.
- ¹⁵ *Miller R.* Vygotsky in Perspective. New York: Cambridge University Press, 2011. 466 p.
- ¹⁶ *Veer R. van der, Yasnitsky A.* Vygotsky in English: What Still Needs to be Done // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2011. Vol. 45, No. 4. P. 475–493.
- ¹⁷ *Yasnitsky A.* Revisionist revolution in Vygotskian science: Toward cultural-historical Gestalt psychology. Guest editor's introduction // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2012. Vol. 50, No. 4. P. 3–15.

призму «диалогии»¹⁸. В контексте этого соотнесения стоит также упомянуть работы Д. Шоттера¹⁹, А. А. Мелик-Пашаева²⁰, В. Л. Штульман²¹, О. Н. Солодухина²², В. В. Панина²³, Е. Матусовой²⁴ и др. Европейские, английские и японские авторы тоже периодически пытались синтезировать две теории. Стоит упомянуть исследования Й. Барони²⁵, Р. Барвелла²⁶, а также работы Дж. В. Вертш, М. Холквист, К. Фернихоу.

Вопросы позднесоветской философии были исследованы крупными учеными, такими как Н. В. Мотрошилова, которая в 2012 г. выпустила книгу «Отечественная философия 50–80-х гг. XX в.

-
- ¹⁸ *Библер В.* Понимание Л. С. Выготским внутренней речи и логика диалога (Еще раз о предмете психологии) // *Методологические проблемы психологии личности / Под ред. Ф. Т. Михайлова.* М.: НИИОП, 1981. С. 117–134.
- ¹⁹ *Шоттер Дж. М. М. Бахтин, Л. С. Выготский: Интериоризация как «феномен границы»* // *Вопросы психологии.* 1996. № 6. С. 107–117.
- ²⁰ *Мелик-Пашаев А. А. Л. С. Выготский и М. М. Бахтин: Подготовительные материалы к несостоявшемуся диалогу* // *Вопросы психологии.* 1996. № 5. С. 51–56.
- ²¹ *Штульман В. Л.* Диалогическая концепция М. М. Бахтина и теория речевой деятельности Л. С. Выготского: Проблема субъекта // *Вопросы психологии.* 2001. № 3. С. 34–40.
- ²² *Солодухина О. Н.* Концепция диалога в трудах М. М. Бахтина и Л. С. Выготского // *Проблемы теоретической и прикладной лингвистики.* 2009. № 8. С. 48–53.
- ²³ *Панин В. В.* Психолого-педагогические аспекты диалогизма в концепциях Л. С. Выготского и М. М. Бахтина // *Вестник Кемеровского государственного университета.* 2015. № 2. С. 75–82.
- ²⁴ *Matusov E.* Irreconcilable differences in Vygotsky's and Bakhtin's Approaches to the Social and the Individual: An Educational Perspective // *Culture & Psychology.* 2011. Vol. 17, No. 1. P. 99–119.
- ²⁵ *Eun B.* Two diverging paths toward a common destination: The dialogism of Vygotsky and Bakhtin // *Culture & Psychology.* 2018. Vol. 25, No. 4. P. 484–502.
- ²⁶ *Barwell R.* Formal and informal mathematical discourses: Bakhtin and Vygotsky, Dialogue and Dialectic // *Educational Studies in Mathematics.* 2016. Vol. 92, No. 3. P. 331–345.

и западная мысль»²⁷. Публиковались и крупные сборники под редакцией В. А. Лекторского²⁸. Издательство ИФ РАН выпустило серию книг, посвященных ключевым позднесоветским философам. Издательство ИФ РАН выпустило серию книг, посвященных ключевым позднесоветским философам. В 2022 г. вышел большой сборник «Философские поколения» под редакцией Ю. А. Синеокой*, в которых несколько разделов посвящено позднесоветским настроениям в философии. Стоит отдельно отметить таких исследователей позднесоветской философии, как А. Д. Майданский, Е. В. Мареева, С. Н. Мареев. Также выходило несколько работ, сфокусированных на советской и постсоветской жизни. Ключевыми авторами являются А. Юрчак, Н. С. Плотников, И. Г. Яковенко, А. С. Ахиезер, А. Т. Бикбов, И. В. Кукулин.

Вопреки кажущемуся противоречию и даже антагонизму итальянского и советского марксизма, их взаимное влияние друг на друга уже не раз было отмечено исследователями, такими как А. Д. Майданский²⁹, В. П. Любин³⁰, А. С. Коскова³¹,

²⁷ *Мотрошилова Н. В.* Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М.: Академический проект, 2012. 376 с.

²⁸ Философия не кончается...: Из истории отечественной философии. XX век: в 2 кн. / Под ред. В. А. Лекторского. М.: РОСПЭН, 1998. 768 с.; Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: Современный взгляд / Под ред. В. А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 470 с.

²⁹ *Майданский А. Д.* Мыслить конкретно: Дело «советского европейца» Эвальда Ильенкова // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2013. Вып. 25, № 16 (159). С. 29–35.

³⁰ *Любин В. П.* Тольятти как политический реалист XX в. (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. 2019. № 4. С. 135–140.

³¹ *Коскова А. С.* Особенности и противоречия оценки Антонио Грамши постреволюционной эпохи в Советской России // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки».* 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 43–56.

* **Внесена Минюстом России в реестр иноагентов.**

Д. Савино³². Среди отечественных исследователей постопераизма стоит отметить А. Пензина, Е. Наумову и А. Третьяка. В последние несколько лет наблюдается рост интереса к исследованию связи Бахтина и Выготского с постопераизмом среди молодых авторов в России, таких как Я. В. Григорова³³ из Пермского университета и Н. Н. Тинус³⁴ из Белгородского университета. Григорова сравнивает понятия творческого и имматериального труда, тогда как Тинус акцентирует внимание на процессе индивидуации в автономизме и заимствованиях итальянскими авторами идей советских мыслителей.

В рамках исследования эволюционного перехода от операизма к постопераизму значимыми являются книги Д. Роджеро³⁵ и С. Уайта³⁶. Кроме того, разбор движения постопераизма проводили современные исследователи Д. Штайнхофф³⁷ и Ф. Питтс³⁸; с критических

³² Савино Д. Итальянский марксизм и российский социализм: А. Лабриола, А. Грамши и философско-культурные вопросы революционного движения (1890–1937) // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. II, № 2. С. 99–117.

³³ Григорова Я. В., Гриценко В. С. Концепция нематериального труда в философии постопераизма и ее критика // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2016. № 2 (26). С. 39–44.

³⁴ Тинус Н. Н. Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации // *Полития*. 2021. № 1 (100). С. 44–59.

³⁵ Roggero G. *Italian Operaismo: Genealogy, History, Method* / Trans. by C. Pope. Cambridge: MIT Press, 2023. 225 p.

³⁶ Wright S., Bellofiore R., Tomba M. *Storming Heaven: Class Composition and Struggle in Italian Autonomist Marxism*. 2nd ed. London: Pluto Press, 2017. 304 p.

³⁷ Steinhoff J. *Post-Operaismo and the New Autonomy of Immaterial Labour* // Steinhoff J. *Automation and Autonomy: Labour, Capital and Machines in the Artificial Intelligence Industry*. London: Springer, 2021. P. 75–97.

³⁸ Pitts F. H. *Critiquing Capitalism Today: New Ways to Read Marx*. London: Springer, 2019. 279 p.

позиций к движению подошли такие известные авторы, как Х. Нуньес³⁹, С. Фредеричи⁴⁰ и Д. Гребера⁴¹.

Цели и задачи исследования

Продемонстрировать актуальность и продуктивность советских философий культуры в современном информационном обществе; сконструировать диалог между анархистским итальянским направлением марксизма и более консервативным дискурсом советской философии культуры.

Объектом исследования выступают теории Л. С. Выготского, Э. В. Ильенкова, А. Н. Леонтьева и отдельно теория М. М. Бахтина в соотношении с их рецепцией в философиях культуры Э. С. Маркаряна, В. М. Межуева, В. С. Библера, а также в постопераизме и отдельных работах итальянских анархистов — как операистов (М. Тронти, Дж. Роджеро, А. Негри), так и постопераистов (А. Негри, М. Лаззарато, П. Вирно, Ф. Берарди). Анализ динамики этих теоретических движений позволяет продемонстрировать, благодаря каким объективным факторам в двух странах произошел поворот к теме культуры.

В рамках исследования не рассматриваются такие направления теории деятельности, как методология Г. П. Щедровицкого и развитие психологической школы в лице, например, С. Л. Рубинштейна, П. Я. Гальперина, А. Р. Лурии. Выбор связан с тем, что пересечения между итальянским постопераизмом и советским марксизмом происходят в первую очередь в области философии культуры, поскольку

³⁹ *Pitts F. H.* Beyond the Fragment: Postoperaismo, Postcapitalism and Marx's 'Notes on Machines' // *Economy and Society*. 2023. Vol. 52, No 1. P. 45–67.

⁴⁰ *Austin A.* Times of Dispossession and (Re)possession: An Interview with Silvia Federici // *The Drama Review*. 2018. Vol. 62, No. 1. P. 131–142.

⁴¹ *Graeber D.* *Revolutions in Reverse: Essays on Politics, Violence, Art, and the Imagination*. New York: Autonomedia, 2012. 120 p.

подразумевают определенный акцент на творческой стороне деятельности, на обществе культурного труда.

В разработанном Г. П. Щедровицким системомыследеятельностьюном подходе мышление рассматривается как отдельная субстанция, независимая от человека. Наиболее близким к концепции Щедровицкого в контексте данного исследования является метод культуролога Э. Маркаряна, который рассматривается как антагонист советского гуманистического марксизма. Выбор Маркаряна, а не Щедровицкого в качестве объекта анализа обусловлен его вкладом в развитие советской философии культуры и открытой полемикой с представителями советского гуманистического марксизма как в академических публикациях, так и на научных конференциях.

Научная новизна

Исследование проводит параллели между советскими теориями культуры и современными итальянскими постмарксистскими теориями. Новизна исследования состоит в следующем:

— проводится анализ советской философии культуры как единого движения. Особое внимание уделяется взаимосвязям между авторами, которые, несмотря на их идейные и методологические разногласия, формировали общую рамку рассуждений о наступлении нового постиндустриального общества. Аналогичный анализ проводится в отношении движения постопераизма. В исследовании показывается, что как постопераисты, так и позднесоветские теоретики культуры были ведомы общей интеллектуальной интуицией о становлении нового общества культурного труда, которое требует и переосмысления марксистской политэкономии;

— советские концепции философии культуры актуализируются в контексте современных марксистских дебатов, впервые в сравнении с итальянской школой постопераизма, которая является одним из наиболее влиятельных течений в академической марксистской среде. Исследование показывает, как советские теории могут обогатить современные подходы к постиндустриальному труду;

— в диссертации утверждается, что советские теории культуры в некоторых аспектах более релевантны нашему социально-политическому контексту, чем взгляды современных марксистов. Советские теории не только углубляют анализ общества, но и предлагают новую перспективу движения к освобождению творческого труда через левое просвещение;

— доказывается, что анархистские и социалистические марксистские проекты могут эффективно взаимодействовать, восполняя пробелы друг друга. Исследование предлагает гибридную марксистскую модель, которая объединяет этатистские и анархистские элементы для создания более целостного марксистского подхода.

Теоретическая и практическая значимость исследования

С теоретической точки зрения исследование предлагает новую перспективу для анализа советского прошлого, связывая его с актуальными вызовами современности и академическими трендами. Оно обновляет восприятие советских авторов, раскрывая их оригинальный и ценный эвристический подход к пониманию современных трудовых процессов. С практической точки зрения сочетание анархистского и социалистического подходов к марксизму позволяет разработать более эффективные методы политических и социальных преобразований. Результаты исследования могут быть успешно внедрены в образовательную и исследовательскую практику.

Методология и методы исследования

Методология исследования сочетает несколько ключевых подходов. Во-первых, применен историко-философский анализ развития советских и итальянских теорий труда, который помогает наметить связь между политическим контекстом и философскими построениями этих традиций.

Во-вторых, использован компаративистский метод, позволяющий сопоставить два течения через анализ их интерпретаций теоретических источников и базовых философских интуиций. В рамках

компаративистского подхода также был применен феноменологический метод с целью сравнения представлений о человеке в СССР и тем, как описывают новый антропологический тип постопераисты сегодня.

Наконец, диалектический метод играет важную роль в творческой конвергенции двух на первый взгляд противоположных марксистских течений. Он направлен на выявление и критику противоречий в подходах к анализу человека и культуры с целью устранения идеологических искажающих факторов, присущих каждому направлению. Важной задачей становится преодоление теоретических лакун в обоих направлениях через диалог между социалистическим и анархистским проектами, что может способствовать их взаимному обогащению.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Деятельностный подход остается актуальным в обществе, в котором особенно значимым стал «имматериальный» труд». Имматериальный труд, распространившийся в развитых странах, даже более эксплицитно доказывает основные тезисы деятельностной методологии, представляя собой интенсивный процесс формирования субъективных и объективных «идеальных» образов в процессе труда.

2. Левые в СССР и в Италии пережили общий разворот от политекономии к анализу культуры. Советские теории культуры, как и итальянская левая мысль в 1960-е гг., стремились исправить ошибки сталинизма через обращение к Ленину и определенную радикализацию марксизма. Однако после провала этих проектов на практике оба направления перешли на деполитизированные позиции постепенного улучшения общества через культуру. В Италии это привело к появлению постопераизма, а в СССР способствовало переходу от энтузиазма «оттепели» к разочарованию «застоя».

3. Теория деятельности и особенно советские теории культуры, основанные на ней, представляют собой диалектический синтез ни-

гилизма и гуманизма. Деятельностный подход, с одной стороны, описывает человеческие идеалы как побочные эффекты практической деятельности, а с другой — признает производство идеального (творчество) и труд главным экзистенциальным предназначением человека. Благодаря такой амбивалентности теория деятельности может без особых искажений служить различным политическим проектам.

4. Различия в политических программах постопераистов и советских философов культуры обусловлены положением интеллектуалов в обществе. Советские философы предлагали педагогические реформы «сверху», посредством централизованной власти, тогда как итальянские постопераисты стремились преобразовать общество «снизу», призывая «множество» к горизонтальной солидарности. Но оба направления видели основным полем борьбы культуру или «всеобщий интеллект».

5. Советские педагогические проекты и стратегии постопераистов по созданию горизонтальных связей взаимно дополняют друг друга. Советские авторы думают о социальном воспроизводстве интеллектуальных работников, тогда как постопераисты стремятся к эмансипации от капитализма и политизации уже просвещенных и самостоятельных субъектов. Современная марксистская теория должна стать гибридной, сочетая элементы воспитания с горизонтальной солидарностью.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Основные положения и результаты диссертационного исследования нашли свое отражение в 4 научных публикациях, из которых 3 статьи в рецензируемых журналах списка ВАК по избранной научной специальности были апробированы в выступлениях в ходе трех научно-практических конференций и внедрены в преподавательскую программу в процессе прохождения практики.

По материалам диссертационного исследования были сделаны следующие доклады:

1. М. Бахтин и Л. Выготский. Путь к «душе» через «систему раздражителей». Доклад на Всероссийской конференции «Действие, труд, творчество», Санкт-Петербург, АНООВО «ЕУСПб», 23–25 сентября 2021 г.;

2. Шпион в собственном доме: Фигура мыслителя-иностранца в теориях Мераба Мамардашвили и Паоло Вирно. Доклад на Конференции ВДНХ-2022, секция «За пределами индивидуализма: проекты коллективной жизни», Санкт-Петербург, АНООВО «ЕУСПб», 3 апреля 2022 г.;

3. Парадоксы всеобщего труда: на грани между экзистенциальным диалогом и абсолютным одиночеством (В. Библер). Доклад на Десятых Международных чтениях по истории русской философии «Институциональные пространства русской философии», Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2023 г.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих от трех до восьми параграфов, заключения и списка использованной литературы. Общий объем диссертации составляет 186 страниц текста; список используемой литературы включает 212 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Развитие марксизма в Италии и СССР: точки сборки» посвящена социальным контекстам, в которых формировалась и эволюционировала оригинальная мысль анализируемых авторов. Особое внимание уделяется социально-политическим параллелям, обосновывающим возможность конвергенции итальянского и советского вариантов марксизма. Философские идеи имеют свой исторический контекст, изучение которого позволит глубже их понять.

Первый раздел главы посвящен рассмотрению отечественного контекста и эволюции советского марксизма и основан на работах

А. Юрчака, А. Бикбова, Н. Плотникова, Э. Соловьева, И. Кукулина, Н. Мотрошиловой, В. С. Швырева, В. Лекторского, А. Гусейнова и других исследователей. Главный поворот в развитии послевоенной философии произошел после смерти Сталина, в годы «оттепели», когда интеллектуалы увидели возможность исправить ошибки прошлого посредством возвращения к идеям Ленина и создать «социализм с человеческим лицом». Однако, в отличие от западных левых, советские интеллектуалы в период оттепели не находились в радикальной оппозиции к госаппарату, как итальянские анархисты. Но уже в период «застоя» настроения изменились: в 1970-е гг. философы начали уходить в «академический эскапизм», как назвал этот процесс Э. Соловьев, или в пространства «внеаходимости», как описывал это А. Юрчак. Н. Плотников, А. Бикбов, Н. Мотрошилова и другие авторы замечают тенденцию к вестернизации и либерализации марксистской философии с начала 70-х, возвращение дореволюционных идей элитарного «западничества». Именно в годы застоя популяризируется идея о том, что преобразовать постреволюционное общество можно только через постепенное окультуривание населения и воспитание «всесторонне развитых личностей», а не посредством резкого политического скачка и пролетарской солидарности. В этот период произошел взрыв интереса к культурологии и педагогике, который наложился на научно-техническую революцию, ознаменовавшую постепенный приход постиндустриального общества. Интеллектуалы из-за довлеющей цензуры и деполитизации общества начали осторожно высказывать идеи о правильном будущем между строк философских произведений и верили в возможность улучшения общества через культуру и альтернативное социальное конструирование. Разные подходы к анализу культуры скрывали различные политические проекты.

Второй раздел главы посвящен эволюции марксизма в Италии с конца XIX в. и его взаимосвязям с советским марксизмом. Вначале ключевую роль в итальянском марксизме играл гегельянец, профессор Римского университета «Сапиенца» А. Лабриола

(1843–1904), доказывающий, что революция может произойти и в аграрной Италии вопреки историческим этапам. Его значимость признавали как сам К. Маркс, так и его русские почитатели, включая Г. В. Плеханова, Л. Д. Троцкого и В. И. Ленина. В разделе подробно рассматривается созданное Лабриолой направление «философии практики» — монистическая система с акцентом на понятии «креативной силы». Разбирается реакция последователя «философии практики» А. Грамши на пролетарскую революцию в крестьянской России, фордизм (термин Грамши) и взаимовлияние США и Советского Союза. После Второй мировой войны различные социальные катаклизмы (план Маршалла, запрет левых, индустриализация Италии и массовая миграция с Юга на Север) радикализовали левое движение и привели к переходу влиятельных итальянских левых (Л. Коллети, Г. Делла Вольпе, М. Тронти) на антиграмшианские и антигегельянские позиции и к призыву вернуться к Ленину. В середине XX в., особенно в контексте событий 1968 г., западный левый мейнстрим — и итальянский в частности — имел выраженно антисталинский характер. Их радикальная идея — «Отказ от труда» — активно продвигалась активистами, стремившимися подорвать консервативную политику Итальянской коммунистической партии, которая отстаивала апологию рабочего класса по советскому образцу. К началу 1980-х, к концу «свинцового десятилетия», радикальные движения были подавлены, а многие теоретики оказались либо в эмиграции, либо в тюрьме. Основатель постопераизма А. Негри (1933–2023) в интервью рассказывал, что в тюрьме начал создавать новую онтологию в поисках причин поражения итальянского протеста⁴².

Постопераизм — это переход итальянского марксизма от политики к своеобразно интерпретированной философии культуры, который произошел вследствие разочарования, последовавшего

⁴² *Morfino V. Storia, Politica, Filosofia: Intervista ad Antonio Negri / V. Morfino // Etica & Politica / Ethics & Politics. 2018. Vol. XX, No. 1. P. 187–204.*

за возвращением к идеям Ленина. Постопераизм родился из поражения и стал невероятно популярен в академических кругах. Он невольно сближается с настроениями позднесоветских авторов, которые в период застоя испытывали схожее разочарование от теплых неудач и перешли к анализу культуры. Но закат революционных стремлений операизма объясняется не теоретическим или организационным провалом, а изменением условий политической борьбы, связанным с переходом из индустриальной Италии в глобалистский постиндустриальный мир.

Третий раздел первой главы посвящен анализу основных теорий постиндустриального общества, включая как апологетику со стороны представителей функционального подхода (Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс и др.), так и критику со стороны крупных континентальных философов (Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Ги Дебор, Ф. Джеймисон, Ж. Бодрийар, А. Горц и др.). В разделе выделяются ключевые критерии нового информационного общества, кризис ортодоксального марксизма, а также обсуждаются потенциальные угрозы, связанные с новым типом производства. В заключение главы подчеркивается необходимость разработки позитивной левой программы для преодоления кризиса постиндустриального общества, которую автор планирует представить на основе синтеза постопераизма и советских философий культуры.

Вторая глава «Советская школа: теория деятельности, теория диалога и взгляд в XXI век» посвящена анализу позднесоветской философии в ее переходе от теорий деятельности к культурологии.

Первый раздел главы посвящен разбору классических работ Л. Выготского, Э. Ильенкова и М. Бахтина. Раздел начинается с анализа деятельностной методологии, сформулированной Л. Выготским и А. Леонтьевым. Особое внимание уделяется оригинальной концепции онтогенеза и филогенеза, согласно которой человеческое сознание формируется извне, через интериоризацию «внешней речи» (знака, языка) и социальной среды. В разделе анализирует-

ся значение деятельности в «культурно-исторической» психологии Выготского. В работах Выготского в контексте диссертации отдельно подчеркивается описание искусства и «культурного труда», выражающего коллективные аффекты общества, опосредованные знаками в культуре. Движение и развитие идеальных понятий в культуре подробно описал выразитель идей Выготского в философии — Э. Ильенков, который разработал собственное понимание идеального и свободы. В разделе речь идет о споре Ильенкова с М. Лифшицем, Д. Дубровским о природе идеального, а также раскрывается, как из особых интерпретаций «идеального», диалектики и спинозизма выводится культ педагогики и «личности» у позднего Ильенкова. Отдельно в разделе разбирается антропологическая теория М. Бахтина, параллельная теории деятельности, но важная для философии культуры. Я показываю, в чем теория Бахтина синонимична теории деятельности, а в чем они имеют серьезные расхождения, главное из которых — выделение Бахтиным «внеаходимого» для коммуникации экзистенциального пространства, в то время как в теориях Выготского и Ильенкова индивидуальное сознание — это негативный остаток коммуникации с миром. В завершение раздела, чтобы наглядно продемонстрировать разницу между авторами и связь позднесоветского и итальянского марксизма, рассматривается дискуссия между постопераистами М. Лаззарато и П. Вирно о практическом применении теорий Л. Выготского и М. Бахтина в контексте современного сопротивления. Вирно, опираясь на идеи Выготского, утверждает, что борьба за освобождение может осуществляться через проявления своей субъективности в дискурсе с помощью перформативных актов. В то же время Лаззарато, основываясь на концепции Бахтина, полагает, что в условиях постиндустриального общества язык полностью овеществляется, вместо борьбы с языком он предлагает выход за пределы сложившихся лингвистических конвенций — во «внеаходимость».

Во втором разделе я перехожу к анализу позднесоветских философий культуры, выстроенных вокруг концепции «деятельности»

и идей Л. Выготского, М. Бахтина и Э. Ильенкова. В начале раздела обозначен общий контекст перехода к культурологическому дискурсу во второй половине XX в. Вступительная часть посвящена тому, как постопераисты и философы культуры переосмыслили так называемого «раннего гуманистического» Маркса, который акцентировал историчность и социальность всех политэкономических категорий и предсказавшего, что будущее принадлежит не предметной деятельности, а работе со «всеобщим интеллектом» (General Intellect). Философские взгляды раннего Маркса были еще одной причиной перехода их интересов к сфере культуры.

Понятие «деятельность» стало общим в теоретических подходах философов культуры. В разделе рассматриваются три подобные концепции, которые ссылаются на «деятельность», описывая культуру, но понимают ее очень по-разному.

Первая теория, разработанная культурологом и философом Э. Маркаряном, интерпретирует культурные артефакты и традиции как результат адаптации общества к внешней среде. Он строит теорию на адаптивной функции деятельности, которая рассматривается как «внебиологический способ кодирования» человеческого поведения, а главной целью культуры становится выживание общества.

Вторая теория, предложенная В. Межуевым, оппонентом Маркаряна, представляет школу гуманистического марксизма и может быть охарактеризована как своеобразное «марксистское неокантианство». Межуев утверждал, что высшей формой деятельности является творчество (всеобщий труд), а высшая свобода человека достигается через объединение личностной индивидуальности с общечеловеческими ценностями, воплощенными в культуре. Нужно как раз освободить деятельность и культуру от их адаптивной функции. Свободная творческая деятельность каждого гражданина должна стать основной целью развития общества, концом предыстории по Марксу.

Третья теория принадлежит В. Библеру, последователю как Бахтина, так и Выготского. Библер исследует адаптивно-творческую

двойственность теории деятельности, сочетая ее с идеями диалога, и подчеркивает, что любая форма человеческой деятельности, включая предметную и самую примитивную, неотделима от общения с другим. Диалог — не просто коммуникативный акт, а атрибут деятельности в спинозовском смысле, деятельность тоже рассматривается как один из способов общения. В процессе общения человек неизбежно отчуждается от себя, а другой остается для него «вненаходимым», что делает любую деятельность трагической медиацией субъектов, создающей неразрешимые парадоксы. Библер описывает новую реальность постиндустриального общества как логику культуры, переходящую от научной логики обобщения (диалектики) к логике общения (диалогике).

Рассмотренные во второй главе философии культуры демонстрируют амбивалентность, присущую советской теории деятельности. С одной стороны, эта теория обесценивала культурные идеалы, превращая их в инструменты «внебиологического кодирования», а с другой — превозносила «всесторонне развитую личность» как высшую цель общественных институтов. Подобное сочетание обесценивания и культивирования знака характерно для самой методологии теории деятельности и «культурно-исторической» психологии. Библер фиксирует парадокс, состоящий в том, что культура выступает лишь опредмеченной деятельностью, а общество нуждается в объективном идеале. Идеал заключается в соответствии мышления диалогической эпохе — в способности осознать равноценность различных культурных логик в диалоге. Современный европеец, по Библеру, должен ориентироваться в парадоксальном синтезе неразрешимых культурных противоречий и уметь взаимодействовать с ними. Понимание своей культурной логики и ее равноценности с другими становится критерием развития человека, достичь которого невозможно без специального диалогического обучения и просвещения. Школа становится чрезвычайно важным инструментом для интерпелляции (по Альтюссеру) диалогического стиля мышления.

Третья глава «Имматериальный труд: общество культуры в капиталистическом изводе» посвящена итальянскому движению постопераистов. В ней рассматривается как философская эволюция постопераизма, так и его анализ общества позднего капитализма. В ряде аспектов постопераисты перекликаются с советскими теориями культуры, а проблемы общества позднего капитализма неожиданно напоминают вызовы, стоявшие перед позднесоветским обществом.

Первый раздел главы посвящен философии и онтологии постопераизма. Вначале рассматривается теоретический разрыв постопераистов с «философией практики» (А. Лабриола, А. Грамши). Обсуждаются причины, по которым послевоенные марксисты начали критиковать диалектический материализм и, в частности, фигуру Гегеля. Основатель операизма М. Тронти находит единомышленников среди новой волны левых итальянских философов, таких как Л. Коллетти и Г. Делла Вольпе, которые разделяют общий тезис о том, что Маркс создавал не философскую систему, а методологию социального эксперимента, проверяющую знание через революционное действие. Постопераизм наследует этот подход, но его отправной точкой становится неудачный эксперимент — провал революционных амбиций операизма, и переход локальной индустриальной борьбы в Италии к сопротивлению в рамках глобалистского постиндустриального капитализма с финансовым центром в США. Постопераисты считают концепцию гегемонии Грамши устаревшей и для анализа культуры обращаются к французскому постструктурализму (Ж. Делёз, М. Фуко, Ф. Гваттари и др.). М. Хардт, соавтор А. Негри, охарактеризует постопераизм как смесь американской экономики, французской философии и итальянской политики. Постопераисты, как и советские марксисты, начинают синтезировать Спинозу и Маркса, что лишает их теории классового антагонизма. А. Негри переосмысляет Спинозистский концепт «множества» в качестве нового политического термина для описания индивидов без деления на классы.

Второй раздел переводит фокус с философских дискуссий на анализ социально-политической ситуации. Первая часть посвящена подробному описанию феномена «имматериального труда». Основной характеристикой постиндустриального труда является смешение всех видов человеческой активности, описанных Аристотелем и Х. Арендт. В таком труде пересекаются производственные, художественные и политические функции, требующие от человека не только физического, но и эмоционального и интеллектуального вовлечения. Подобный труд создает меновую стоимость на основе нематериальных критериев и взаимодействия со «всеобщим интеллектом»: моды, социальных связей, дизайна, менеджмента, умения продать и других факторов, что требует от работников обладания качествами политиков, ученых и художников; это в определенной степени напоминает позднесоветские этические императивы, однако цель творческого труда начинает определяться хаотическими потоками капитала, а не волей художника. Такой труд подрывает саму возможность «политики истины», компрометируя идеалы в коммерческой сфере, и формирует новый антропологический тип людей, отчужденных от коллективных идентичностей и общих ценностей. У них остаются только самые общие логически категории (κοινὴ τόποι), или «скелет речи», на который хаотично наслаиваются знаки и значения.

Вторая часть раздела посвящена антропологическому типу «множество». Оно формируется через хаотичное отчуждение от «родовых качеств» и стремление нравиться разным людям, обретая вид наслаивающихся идентичностей. Негри опирается на делезианскую концепцию «монструозности». Ключевая характеристика «множества» — атомизированность, «привычка не иметь привычек», отсутствие общих черт, порождающее одиночество. Однако философы П. Вирно и Ф. Берарди отмечают, что, несмотря на разрозненность, существует общий фундамент — негативные последствия бесконечной рекомбинации идентичностей. Депрессия, нигилизм, цинизм и панические атаки становятся неизбежными спутниками

нового типа производства. Постопераисты предлагают новую солидарность, основанную на осознании и коллективном переживании этих кризисных состояний.

Третья часть раздела посвящена постопераистскому взгляду на наднациональное управление — концепту Империи. С изменением природы труда трансформируются и механизмы власти, они тоже приобретают монструозную форму. Империя — это союз корпораций и государств, стремящийся к полному контролю над «множеством». Как постиндустриальный субъект она цинично манипулирует идеологиями, бесконечно рекомбинируя лозунги и повестки для сохранения экономического господства. По своей сути Империя напоминает советскую бюрократическую систему: идеалы превращены в инструмент полицейского контроля, национальные суверенитеты размываются, а граждане — деполитизируются. Империю постопераисты рассматривают как неизбежное следствие технологического прогресса и массовых коммуникаций: с ней можно сосуществовать, но преодолеть ее невозможно, они даже формулируют концепцию «коммунизма капитала», подразумевающую, что теперь утопия — это стиль жизнь в Империи. В условиях Империи, по мнению постопераистов, единственной стратегией существования становится ускользание — уход во «вненаходимость», аналогично тому, как советские граждане пытались выстраивать жизнь вне рамок официальной идеологии в период застоя.

В заключение главы подчеркивается, что логика позднесоветского общества воспроизводится в неолиберальном контексте. И советские теоретики, и постопераисты пытались найти способы улучшить жизнь деполитизированных граждан внутри этих политических «монстров» через культуру. Эти стратегии подробно анализируются в следующей главе.

Четвертая глава «Конвергенция двух программ по улучшению постиндустриального общества» доказывает, что позднесоветские теории культуры, вопреки представлениям об их

анахронизме, остаются актуальными. Сегодня существуют два пути культурного преобразования общества: солидарность в субкультурах как альтернатива имперскому управлению или реформирование образования и официальной культуры в интересах общества. Эти стратегии не противоречат, а дополняют друг друга, отвечая запросам двух субъектов — власти и «множества». Их сближение может ускорить адаптацию к новому миру, поэтому важно искать точки соприкосновения, где Империя и множество могут действовать сообща.

Первый раздел главы посвящен теоретическим пересечениям между постопераизмом и советской философией культуры. Оба направления, развиваясь параллельно, осмыслили социально-политические преобразования в своих странах в эпоху постиндустриализма, представляя собой оригинальные интерпретации Маркса. Оба течения разочаровались в революционном радикализме и отдали предпочтение идее преобразования общества через культуру. Это отразилось в том, что советский марксизм пережил трансформацию от оптимизма оттепели к застойному разочарованию, а радикальный операизм эволюционировал в более компромиссный постопераизм.

Важную роль для обоих направлений сыграли ранние работы Маркса. Несмотря на то, что Ильенков критиковал увлечение западных философов этим этапом его творчества, многие советские культурные теоретики стали отдавать предпочтение раннему Марксу перед поздним.

Еще одной точкой пересечения стала альтернатива диалектическому пониманию истории. Постопераисты обращались к французскому постструктурализму (Гваттари, Делёз, Фуко), отвергавшему диалектику, а советские мыслители предлагали концепцию «диалога вместо диалектики» (Библер, Каган) или противопоставляли неокантианство гегельянскому марксизму периода оттепели (Арнольдов, Межуев, Злобин).

Еще одним сходством стало внимание к индивидуальности в противовес ортодоксальному классовому анализу. Если советские

авторы разрабатывали идеал «всесторонне развитой личности», то постопераисты вводили концепцию «множества». Кроме того, обе школы находили точки соприкосновения в теориях Выготского и Бахтина, что сближало их взгляды на формирование личности.

Обе школы опирались на философию Спинозы, но интерпретировали ее по-разному. Итальянские постопераисты (под влиянием Делёза) видели в нем протоанархиста и теоретика политических аффектов, тогда как советские марксисты, наследуя традиции Плеханова, Деборина и Выготского, подчеркивали его концепцию деятельности, единства мышления и протяженности, а также понимание свободы как «осознанной необходимости».

Наконец, ключевое совпадение заключается в признании первостепенной роли интеллектуального труда и снижении значения пролетариата. В прошлом «всеобщий интеллект» опредмечивался в машинах и станках, тогда как в постиндустриальном обществе главным средством производства становятся знания и образование, что ведет к эксплуатации именно интеллектуальных способностей работников. Я указываю на тождество между понятием «всеобщий интеллект» в постопераизме и термином «культура» в позднесоветском контексте. Таким образом, несмотря на различие в историческом контексте, постопераизм и советская философия культуры высказывают интуицию о том, что они интересуются схожей сферой общества.

Но разница в подходах постопераистов и советских философов бросается в глаза. Итальянские марксисты критиковали культуру позднего капитализма, в то время как советские мыслители с энтузиазмом описывали общество постиндустриального производства как воплощение марксистской утопии «свободного времени». Постопераисты, находясь в академическом андеграунде, предлагали стратегии низовой солидарности и протеста, тогда как позднесоветские авторы видели путь к преобразованиям через педагогические реформы и обобществление знаний, которые могли реализоваться только «сверху».

Во втором разделе заключительной главы рассматриваются стратегии адаптации к обществу культуры. Ф. Берарди и П. Вирно предлагают два сценария для множества: коллективную психотерапию и «нейропластичность» или дезертирство и исход. Делезианский номадизм становится для них спасительной стратегией, а общение в малых группах и смена локальности — способами преодоления тревожности и кризиса идентичности. В противоположность этому Э. Маркарян утверждает, что в кризисе находится не множество, а сама Империя. Управленческий аппарат оказывается в «нравственной и познавательной западне» эпохи релятивизма, не способной контролировать хаотичные потоки капитала, что ведет к нестабильности, военным конфликтам и экологическим катастрофам.

Как решение Маркарян предлагает децентрализацию и одновременно глобализацию государственного управления через систему «Региональных эколого-ноосферных экспериментов» (РЭНЭ). Он считает, что реформированная ООН должна избавиться от политики двойных стандартов и следовать принципу «действовать локально, мыслить глобально». Проект представляет новую «перестройку», но уже не в рамках СССР, а в масштабах ООН. Маркарян рассматривает гуманизм как инструмент самосохранения человечества, однако, по его мнению, переход к нему возможен только в условиях всеобщей тревоги, которая позволит выйти за рамки национальных проблем. Если постопераисты предлагают бороться с тревожностью множества, то Маркарян, напротив, считает, что чувство глобальной тревоги должно быть навязано всему населению, а не только просвещенному меньшинству.

Проблема неготовности общества к постиндустриализму очевидна. Подходы к ней различаются: одни делают ставку на личную адаптацию, другие — на реформирование государственного управления.

Последний раздел главы посвящен необходимости обобществления знаний, о которой говорят постопераисты и советские теоретики культуры. А. Негри инвертирует известный девиз Просвещения «дерзай знать», *sapere aude*, на «знай, как дерзать», то есть

«овладей навыками постиндустриального труда», чтобы была возможность эмигрировать и избегать принуждения. Но на настоящий момент, как бы ни хотели итальянцы представить все человечество с помощью понятия множества, им в действительности могут назвать себя достаточно привилегированные европейцы, которые ощущают себя носителями гегелевского «несчастливого сознания», поскольку не владеют достаточным капиталом, чтобы быть независимыми от производства, но за счет собственных интеллектуальных способностей могут полноценно осознавать свою «бездомность». В этом кроется корень проблемы постопераизма: его последователи-философы представляют социальные программы тем, кто и так готов их слушать, добровольно посещает лекции, покупает книги, а это уже достаточно просвещенные и обеспеченные люди, которые отчетливо ощущают потерю субъектности и чувства времени в позднем капитализме. В истории российской общественной мысли XIX в. существовал характерный похожий типаж — разночинцы, которые не принадлежали ни одному сословию, но в силу полученного образования чувствовали необходимость быть полезными обществу. Постопераисты апеллируют к психологическим проблемам, потому что это главный тренд скупающего среднего класса в развитых странах. Сами постопераисты уверены, что созданием субъективности множества занимается сам капитализм, а потому впадают в определенный практический фатализм. Им остается только ждать и готовиться, создавая все больше горизонтальных связей, чтобы в нужный момент быть готовыми к сопротивлению.

Философы культуры поспорили бы с новым либеральным подходом к Просвещению, поскольку для них главная проблема общества постиндустриального труда состоит не в том, что всеобщий труд угнетает «родовые качества» личности, провоцируя депрессии, и даже не в том, что он осуществляется в форме наемного труда, — а в том, что когнитивным трудом занимается недостаточный процент граждан. Если изначально марксизм в СССР стал теорией энтузиазма и модернизации, преобразующей аграрную страну в товарищество

пролетариев, то теперь при смене производственной доминанты необходима и смена ведущего класса — вместо «диктатуры пролетариата» нужна «диктатура когнитариата». Поскольку отечественные философы всегда были ближе к политическому руководству страны, чем итальянские анархисты, то они полагали, что государственная администрация прислушается к их рассуждениям о целях развития общества и возьмет на вооружение их педагогические программы. Философы культуры были солидарны с либерализмом, однако (поскольку утверждают необходимость качественного и обязательного образования для всех слоев населения) склоняются к социализму. «Социализм с человеческим лицом» они видели как продолжение европейского пути развития, как реализацию тех идеалов, которые изначально заложены в его «надстройке» и неизбежно навяжут себя.

Социалистический, внерыночный путь управления культурой позволит европейскому обществу оправдать лидерство, воспитывая «всесторонне развитых личностей» и избегая жестоких конфликтов и экологических кризисов, которые неизбежно возникнут при бесконтрольной капиталистической конкуренции. Но что касается психологических проблем, то это, по мнению В. Библера, новые, но необходимые вызовы на более высокой ступени развития личности. Человек, создавая авторский продукт, всегда наталкивается на абсолютное одиночество, так как он занимается «всецело личным делом», но в то же время он находит собственную абсолютную коллективность в культуре. По этой причине общество всеобщего труда неизбежно будет испытывать оба аффекта: чувство отчуждения от социальной жизни и чувство культурно-исторической коллективности. Просвещенческий проект оказывается не только «расколдовыванием мира» в понимании М. Вебера, но и «раз-очарованием» в нем. Самому знанию присущ трагический момент обесценивания личных экзистенциальных оснований.

Раздел рассматривает две ключевые дидактические программы позднесоветского проекта, предлагающие перестройку школьного

образования для подготовки детей к жизненному процессу в XXI в. с его релятивизмом и изменчивыми коммуникациями, — «Школа диалогии культур» В. Библера и концепция «Развивающего развития» последователей теории деятельности В. Давыдова и Д. Эльконина, которые периодически работали вместе.

В заключении подводятся итоги исследования, утверждается, что двойственность теории деятельности, проявляющаяся в нигилизме и гуманизме, позволяет использовать ее как в социалистических, так и в анархистских проектах. Постопераисты применяют ее для анализа общества имматериального труда в капиталистическом контексте, понимая, что конфликт позднего капитализма между «множеством» и «Империей» требует обращения к концепциям Выготского и Бахтина об онтогенезе. Борьба сводится к присвоению субъективности людьми или транснациональной системой контроля — противостоянию капиталистическому «воспитанию». Постопераисты как наследники анархистов избегают государственного менеджмента, предпочитая работать с уже идеологически сформированными людьми, склонных левым взглядам, и действовать изнутри существующего режима, что приводит их к фатализму: капитализм и постиндустриальная экономика сами сформируют рефлексивное множество, которому останется лишь указать путь.

Советские философы, наоборот, обращались к власти, предлагая программу «всесторонне развитой личности» и доступ к General Intellect для всех граждан. Современная левая теория нуждается как в идеях самоорганизации и горизонтальных коммуникаций, как предлагают постопераисты, так и в социалистической интернациональной программе, которую можно реализовать через государственное управление, как предлагают советские авторы. В обществе, где доминирует интеллектуальный труд, социалистические и анархистские проекты не противопоставляются, а дополняют друг друга, поскольку касаются разных этапов взросления личности по Канту. Этатизм необходим на стадии детства, но становится ненужной репрессивной

надстройкой в зрелости, что особенно ощущалось в период застоя. Если рассматривать проблему постиндустриального труда и политического устройства времен застоя с позиций социализма и анархизма, можно разработать гибридную марксистскую теорию, которая решала бы проблему освобождения труда, используя как потенциал власти, так и деятельность просвещенных малых групп.

**СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ
ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ**

***Публикации автора в рецензируемых научных изданиях,
включенных в Перечень ВАК при Минобрнауки России***

1. Межуев С. Б. По ту сторону утопии: Два взгляда на постиндустриальный труд / С. Б. Межуев // Логос. 2024. Т. 34, № 2. С. 195–215. DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-195-215.
2. Межуев С. Б. Антигегельянский поворот в послевоенном итальянском марксизме: Операизм против «Философии практики» // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 1 (41). С. 126–134.
3. Межуев С. Б. Актуальность позднесоветского марксизма: разговоры о культуре в эпоху молчания // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 5. С. 167–178.

Другие публикации

1. Межуев С. Б. Концепция личности в творчестве Эвальда Ильенкова // Вестник МГУКИ. 2021. № 4 (102). С. 50–58. DOI: 10.24412/1997-0803-2021-4102-50-58.